

СЕСТРЫ НОЧИ

*Страшнее истории я не слышала.
Я расскажу ее вам, мистер Хижок,
но прежде я должна кое о чем спросить.*

*Вы верите
в гудовицу?*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Annotation

Вся округа потрясена кошмарными событиями, произошедшими в мотеле «Тауэр». Женщина по имени Эми жестоко убила свою семью, а затем покончила жизнь самоубийством, оставив загадочную надпись на старом снимке своей матери: «29 номеров». Единственная выжившая — ее маленькая дочь Лу, которая сумела сбежать через окно и спрятаться на крыше.

За расследование берется Джейсон Хок. Его жена Марго и ее сестра Пайпер дружили с Эми в детстве. Они обожали играть в мотеле «Тауэр», где всегда было 28 номеров. Джейсон чувствует, что это неспроста, и вскоре начинает подозревать, что Марго и Пайпер что-то скрывают.

Дженнифер Макмахон

Сестры ночи

Jennifer McMahon
THE NIGHT SISTER

Copyright © 2015 by Jennifer McMahon
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Стрепетова М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

У Эми бешено стучит сердце, кожа липкая от пота.

«Сосредоточься», — говорит она себе.

«Не думай о том, что в башне».

Иначе ничего не выйдет.

Эми смотрит на фотографию, на старый черно-белый снимок, который она почти тридцать лет прятала в ящике прикроватной тумбочки. Фотография потрескалась и выцвела, один из уголков оторвался.

На снимке ее мать Роуз и тетя Сильви — совсем юные, обе в наглаженных летних платьицах, стоят перед вывеской с надписью: «Знаменитый куриный цирк Лондона». У каждой в руках по перепуганной курице. У мамы Эми, той, что с темными растрепанными волосами, взгляд усталый и хмурый, а Сильви вся сияет — она обязательно поедет в Голливуд, когда станет взрослой. Ее светлые волосы идеально уложены, как у кинозвезды, глаза блестят.

На обороте дата: июнь 1955 года. Если бы только Эми могла вернуться в прошлое, поговорить с этими девчушками, предупредить о том, что ждет их впереди. Сказать, что однажды наступит момент, когда Эми останется совсем одна и будет готова совершить ужасный поступок, потому что другого выбора просто нет.

Эми прикусывает губу. Что подумают люди, когда ее не станет?

Что она была сломлена, что у нее поехала крыша. (А разве не все женщины таковы? Словно бомбы замедленного действия? Особенно женщины вроде нее, которые получают еду в столовой для бедных и одевают детей в старые лохмотья не по размеру.)

«Что пошло не так?» — шепотом спросят они друг у друга, выбирая артишоки и авокадо в магазинах.

«Что за чудовищем она была?» — зададутся они вопросом после пары бокалов вина, сидя в своих опрятных гостиных в ожидании встречи книжного клуба.

Только эти люди ничего не знают о настоящих чудовищах. И никогда не встанут перед выбором, который сделала Эми.

На кухне гудят и моргают лампы дневного света. Сделав глубокий вдох, Эми выглядывает в окно. За гравийной дорожкой, за двумя рядами разрушенных, с проваленной крышей номеров мотеля возвышается башня. Пугающее строение из камня и бетона возвел дедушка много лет назад в подарок бабушке Шарлотте. Ее собственный лондонский Тауэр.

Эми часто думает о том давнем лете, когда ей было двенадцать. Вспоминает Пайпер и Марго и тот день, когда они обнаружили чемодан. День, который все изменил.

Где теперь Пайпер? Где-то среди пальм и гламурных жителей Калифорнии, живет жизнью, о которой Эми может только мечтать. Вот бы сейчас поговорить с подругой, довериться ей, попросить прощения: «Пойми, я должна это сделать».

Если рассказать Пайпер и Марго про все, начиная с того чемодана, то, возможно, они поймут.

Как же их предупредить?

Глядя на старый снимок, Эми достает из кухонного шкафчика черный маркер и второпях пишет что-то внизу, прямо поверх куриц и летних платьев. Засунув фото в задний карман, она подходит к окну.

Часы на плите показывают 00:15.

Из башни появляется тень.

Времени больше нет.

Эми запирает входную дверь на засов (глупость какая, засов не поможет) и берет из кладовки старое дедушкино ружье. С ружьем в руке идет вверх по лестнице, по которой ходила всю свою жизнь. Здесь слышны давние шаги и шепот Пайпер и Марго — как и много лет назад, девочки просят забыть все, говорят, что двадцать девятого номера нет.

Эми медленно поднимается по ступенькам — спокойно, только не беги, иначе всех разбудишь. Что подумает Марк, если проснется и увидит, как жена крадется на второй этаж с ружьем в руках? Бедняга Марк, он ни о чем не подозревает. Можно было бы рассказать ему о секретах мотеля, но это слишком опасно.

Под ногами скрипнули потертые половицы, и Эми вспомнила песенку, которую разучила когда-то с бабушкой:

Однажды Смерть постучится к тебе.

Ты узнаешь лицо, вы встречались.

Ты видел ее в том кошмарном сне,

И ступени закрежжета.

Зеркало в руки берешь и уже

Тверд в своем убежденье:

Смерть — это ты, а ты — это смерть,

Нужны ли еще подтвержденья?

Вызов поступил в 00:34 — женщина сообщила, что слышала выстрелы и крики у старого мотеля «Тауэр».

Джейсон уже надевал пальто, когда вдруг замер: сердце ледяной хваткой сжало от ужаса. Эми.

Хотя его смена закончилась и на вызов поехали Рэйниер и Маклеллан, Джейсон все равно решил заглянуть туда по дороге домой. Всего на пару минут. Конечно, лучше бы просто сесть в пикап, отправиться домой и залезть в постель к Марго. Обнять ее, положить руку на живот и почувствовать, как толкается во сне ребенок.

Но *лучше* — одно, а *надо* — другое. Поэтому, едва услышав о вызове, Джейсон понял, что ему надо в мотель. Проверить, все ли в порядке с Эми.

Он доехал за десять минут, и фары осветили выцветшую вывеску с надписью: «Мотель «Тауэр», 28 номеров, бассейн, мест нет». Свернув на гравийную дорожку, Джейсон миновал покосившуюся башню и обветшалые номера мотеля, в которых мальчишкой любил прятаться. Откуда такая слабость в теле?..

Идиот.

Полицейская машина Рэйниера и Маклеллана стояла в самом конце подъездной дорожки, дверь в дом Эми была нараспашку. Во всех комнатах горел свет, и дом казался каким-то неправильным, чересчур ярким, как затмение, на которое опасно смотреть.

Джейсон был здесь всего неделю назад. Эми ни с того ни с сего позвонила ему в участок, попросила приехать — ей, мол, очень нужно с кем-то поговорить. Джейсон удивился — при встрече они с Эми лишь обменивались дежурными приветствиями, а последний раз по-настоящему разговаривали еще в школе, в старших классах.

— Могу заехать в обед, — не раздумывая, ответил тогда он.

Джейсон безумно хотел ее увидеть и весь засиял, точно новогодняя елка. Как же, ведь Эми обратилась именно к нему!.. Впрочем, отчасти он понимал, что так не должно быть. Марго ужасно огорчится, если узнает, так что лучше ей не знать. Он просто не станет рассказывать; подумаешь, повидал давнюю подругу, что плохого? И все же чувство вины свербело в голове назойливым комаром. *У тебя есть любимая жена и скоро будет ребенок. Какого черта ты творишь?*

Стоя в дверном проеме, Джейсон услышал какой-то стон. По телу пробежала дрожь. Он расстегнул кобуру и зашел в дом. Кладовая в прихожей была открыта, внизу валялась обувь, а над ней висели дождевики и грязные толстовки. Джейсон заметил маленькие розовые кроссовки с блестками, изношенные рабочие ботинки большого размера — видимо, обувь Марка, мужа Эми — и кожаные шлепанцы, которые были на Эми, когда на прошлой неделе она встретила Джейсона у входа. «Джей-Джей, — сказала она и слегка неуклюже обняла его, пролив кофе из кружки. — Я так рада, что ты приехал».

Джейсон осмотрелся. Справа гостиная, слева кухня, прямо перед ним — лестница. В доме стоял запах плесени, как в развалинах. Обои свисали со стен, будто отодранные куски кожи. Тускло-коричневый ковер (не исключено, что когда-то прежде белый) был прожжен и заляпан пятнами, а местами протерся до дыр.

Неделю назад ничего подобного он здесь не заметил.

Затрещала рация. Дуг Рэйниер был наверху, и Джейсон сначала услышал его дрожащий

голос со второго этажа, а мгновение спустя слова механическим эхом отдались в рации.

— Здесь трое, — сказал Дуг. — Все мертвы. — И тихо добавил: — Вот черт.

Не успел Джейсон осознать доклад Рэйниера, как его тело уже переполнил адреналин. Держа правую руку на пистолете, он взлетел по лестнице, перешагивая через две ступеньки за раз.

Эми.

Где же Эми?

От увиденного наверху едва не подкосились ноги. Пришлось опереться о стену, чтобы не упасть.

Столько крови...

От выстрелов такого не бывает.

Весь коридор был забрызган красным. Дуг Рэйниер опустился на колени рядом с одной из жертв, его жутко рвало. Тело лежало лицом вниз, светлые волосы разметались вокруг головы, рядом было ружье и целое кровавое озеро. Резкий металлический запах ударил в нос и наполнил рот.

— О господи, — выдохнул Джейсон и сполз вниз, привалившись к стене.

Хотя лица не было видно, он все равно знал, что это она и что она мертва. У ее локтя Джейсон увидел клочок бумаги. Наклонился поближе — нет, это не бумага, а старая фотография. Черно-белый снимок с двумя маленькими девочками и надписью черным маркером: «29 номеров». Он непонимающе посмотрел на фото — надпись должна что-то значить, на что-то намекать, — затем перевел взгляд на руку Эми, бледно-восковую. На пальцах блестели кольца — обручальное и подаренное на помолвку; он видел их на прошлой неделе, когда Эми, сидя за кухонным столом, взяла его за руку.

«Мне больше некому об этом рассказать, Джей-Джей, — сквозь слезы проговорила она. — По-моему, я схожу с ума».

— Хок? — позвал кто-то. Из спальни в другом конце коридора вышел Брюс Маклеллан. — Какого хрена ты тут делаешь?

Джейсон не мог ни говорить, ни дышать, ни отвести взгляд от Эми.

«Помнишь, Джей-Джей, в детстве ты оставлял мне зашифрованные записки?» — спросила Эми, и он кивнул. Конечно же, помнил. Он ничего не забыл.

«Иногда я делала вид, будто не понимаю, что в них. На самом деле я всегда знала, что ты мне написал».

— Хок, сюда, немедленно! — рявкнул Маклеллан, и Джейсон наконец отвернулся от тела и пошел дальше по коридору, хотя по-прежнему думал об Эми.

Пушистый розовый коврик на белом полу спальни, комод, на котором выстроилась коллекция стеклянных и пластиковых обитателей джунглей, кровать с откинутыми в сторону подушками, розово-фиолетовое одеяло в горошек и свалившиеся на пол мягкие игрушки. Когда-то это была комната Эми. Мальчишкой он прятался в тени на дорожке перед домом и смотрел на мансардное окно.

Маклеллан стоял посреди комнаты, обеими руками сжимая пистолет. Кивком он показал на пол: небольшие кровавые следы вели к открытому окну.

— Там что-то есть. — Голос Маклеллана был полон ужаса, по его раскрасневшемуся лицу стекал пот. — На крыше.

Джейсон кивнул и медленно подошел к окну, дрожащими руками держа перед собой пистолет. Прижался спиной к стене слева от открытого окна.

Тихий стон. Хныканье. На крыше.

Вдалеке взвыли сирены. Скоро прибудет подкрепление. Можно подождать, но вдруг там раненый?

— Полиция! — крикнул Джейсон. — Мы знаем, что вы там. Живо вниз и держите руки на виду.

Послышались звуки возни и топот, но никто не появился.

— Я на крышу, — одними губами проговорил Джейсон. Маклеллан кивнул, по-прежнему целясь в открытое окно.

С пистолетом в руке Джейсон шагнул в окно и вышел на крышу, тут же пригнулся и посмотрел сначала направо, затем налево.

В темноте мелькнули глаза и светлые волосы.

Он выронил пистолет; тот стукнулся о крышу и с грохотом соскользнул вниз. Эми? Не может быть, но это она, прямо как в их первую встречу. Те же тонкие ножки и взъерошенные волосы.

Джейсону будто вновь стало двенадцать, — долговязый неуклюжий мальчишка стоит и смотрит на девочку, знающую самые невероятные секреты.

— Хок? — крикнул изнутри Маклеллан. — Что там у тебя?

Джейсон поморгал, чтобы глаза привыкли к темноте, и снова глянул на маленькую девочку. Похожа на Эми, но не она. Ее дочь. Девочка сидела на корточках рядом с обрушенным дымоходом, держась за него одной рукой, чтобы не упасть. Спутанные светлые волосы, дрожащие губы, полный ужаса взгляд. Светлая пижама сияла в лунном свете.

— Я Джейсон, помнишь? — сказал он и протянул руку. — Я вытащу тебя отсюда.

Пайпер недовольно смотрела на огромный провал в ее крошечном заднем дворе.

Она вложила в этот дворик столько сил! Выдернула чахлую траву и засадила все засухоустойчивыми растениями — очитком, шалфеем, овсяницей, оленьей травой, мальвой. Собственными руками украсила тропинку к небольшому патио под деревом авокадо, где так приятно посидеть с хорошей книгой и бокалом совињон-блан.

А теперь здесь дыра. Прибежали встревоженные соседи — нет ли угрозы дальнейшего обрушения? Неужели мы все провалимся? Явилась и беременная Марго с огромным животом и теперь ходила, раскачиваясь, как пьяный пингвин.

Джейсона с ней не было, что раздражало, но не удивляло Пайпер.

— Осторожно, — сказала она сестре, когда под землю ушло авокадовое дерево. Зря, лучше бы промолчала, ведь, обретая форму в виде мыслей и слов, твои худшие страхи могут воплотиться в жизнь.

Как нарочно Марго подошла слишком близко к краю. Пайпер хотела остановить ее, но было поздно. Разрастающаяся дыра грозила поглотить все на своем пути, и сестра Пайпер тоже провалилась — так глубоко, что даже крики не доносились.

Вдалеке завывала сирена. Какая-то странная, похожая на музыку.

Пайпер открыла глаза и поняла, что лежит в кровати.

Она перевернулась на бок и посмотрела на часы. 4:32 утра. На телефоне играла песня Мадонны «Like a Prayer» — такой рингтон у нее стоял на звонок Марго.

— Господи. — Пайпер вскочила с кровати, думая только об одном: «Ребенок». В Вермонте сейчас 7:30, Марго не стала бы звонить так рано по пустякам.

Пайпер схватила телефон.

— Марго? — ответила она, боясь, что на том конце провода окажется Джейсон с плохими новостями. С ужасными. «Мы потеряли их обеих», — скажет он. Пайпер с дрожью вспомнила кошмар, в котором она тщетно пыталась вытащить упавшую под землю сестру.

— Привет. — Это была Марго, и на сердце сразу полегчало. Однако голос сестры звучал напряженно, и Пайпер снова разволновалась. — Прости, что разбудила. Тут кое-что произошло.

— С ребенком?

Шел восьмой месяц ее третьей беременности. Сначала был выкидыш на шестнадцатой неделе, а во второй раз мальчик, которого уже назвали Алексом, родился мертвым на тридцатой неделе. Марго с Джейсоном не отчаивались, хотя Марго сказала, что если она потеряет и этого ребенка, то третья попытка станет последней. Больше она просто не выдержит.

— Нет, нет. С ребенком все хорошо.

— Что-то с Джейсоном?

— Нет, не с Джейсоном. С Эми. Она... боже, Пайпер, это кошмар. — Марго заплакала.

— Господи, что произошло?

Пайпер щелкнула выключателем и заморгала от яркого света. Комната оживила — огромная кровать с белоснежным одеялом, старое кресло-качалка в углу, комод из кленового дерева, а над ним зеркало. Пайпер увидела в нем свое бледное и встревоженное лицо; из-за белой ночной рубашки она вообще походила на призрачное бестелесное видение.

Сестра всхлипывала и говорила бессвязно, ее голос дрожал:

— Вчера ночью в мотеле... говорят, Эми убила Марка и их малыша Леви, а потом застрелилась. А Лу, так вроде зовут ее дочь, жива. Бедняжка вылезла через окно и пряталась на крыше — там полицейские ее и нашли. Не представляю, как она... что она... — Марго не договорила.

Пайпер не могла сдвинуться с места. Не могла вздохнуть.

— Эми не просто застрелила их, — продолжила Марго. — Там... настоящая резня. Зверское убийство.

Марго опять начала всхлипывать.

Надо сделать глубокий вдох. Сквозь шок и боль утраты наружу пробиралось другое чувство — страх.

Пайпер посмотрела на фото в рамке: улыбчивая Эми, вся в веснушках, повисла на плечах у Марго и Пайпер. Все трое выглядели невероятно счастливыми и широко улыбались, сидя на дне пустого бассейна; на ногах у них — белые роликовые коньки с яркими застежками. Этот снимок стоял в спальне Пайпер в детстве, затем переехал в ее комнату в студенческом общежитии, побывал во всех квартирах и домах, где она жила.

— Когда ты в последний раз говорила с Эми? — Из-за потрескиваний на линии голос сестры звучал, будто из слабенкой рации.

— Давно, — ответила Пайпер.

Голова кружилась, к горлу подступала тошнота. А с ней и чувство вины. Марго просила ее связаться с Эми и все наладить, только вот Эми ясно дала понять, что после того лета не намерена с ней дружить. Они не забыли друг друга, изредка обменивались рождественскими открытками с дежурными поздравлениями, а Эми еще и присылала снимки своих детей в неестественных позах на фоне ярких декораций. Они добавили друг друга на Фейсбуке и то и дело собирались увидеться, но когда Пайпер раз в пару лет приезжала в Лондон навестить Марго, выкроить время никак не выходило — то Эми работала, то ее дети болели. В общем, встрече постоянно что-то мешало. «В следующий раз, — обещали они друг другу. — В следующий раз».

Может, Марго права? Надо было попробовать все наладить. Надо было позванивать Эми, узнавать, как дети, как на работе у Марка, говорить на женские темы. Пайпер часто себе это представляла. Она годами вела с Эми вымышленную беседу. В ее мыслях именно Эми первой узнавала обо всем в жизни Пайпер: о ее связях, об успешном развитии студии видеопроизводства, которую Пайпер со своей подругой Хелен основала шесть лет назад, об ужасе, что охватил Пайпер в прошлом году, когда в груди у нее обнаружили опухоль, но в итоге она оказалась доброкачественной. Только в действительности Пайпер так ни разу и не набрала ее номер. Продолжать мысленные разговоры с подругой было легче и приятнее, ведь это была Эми из ее детства, а не взрослая Эми с двумя детьми, чьи имена Пайпер никак не могла запомнить и чьего мужа она знала только по фотографиям в Фейсбуке.

Пайпер внимательно смотрела на снимок, стараясь вспомнить тот самый день, однако в голове всплывал только стук роликов по дну бассейна и запах духов «Лавз Бейби Софт». Когда Эми обнимала ее за плечо, Пайпер чувствовала себя неуязвимой. Кто же сделал эту фотографию? Скорее всего, бабушка Эми. Снято под странным углом, как будто в тот день земля сошла со своей оси.

— Джейсон сказал еще кое-что, — дрожащим голосом сказала Марго.

Джейсон был одним из шести полицейских в их крошечном участке. Как в городке, где

самым серьезным преступлением была незаконная охота на оленей, справятся с жутким убийством и самоубийством?

— Что?

— Он нашел старый снимок рядом с... местом преступления.

— Снимок?

— Ага. Тот, летний. Помнишь?

— Да, — выдохнула Пайпер. Она помнила, даже слишком хорошо. На нем мама Эми и тетя Сильви, одетые в старомодные платья девчонки прижимают к себе куриц. Фото было сделано за много лет до исчезновения Сильви.

— Так вот, на нем что-то было *написано*. В новостях об этом пока не сообщали. Никто не может понять, что значит эта надпись. В полиции считают, что Эми просто сошла с ума. Джейсон поинтересовался у меня смыслом этих слов, и я ответила, что не знаю. Боюсь, он понял, что я вру.

У Пайпер пересохло в горле.

— Что там написано?

После долгого молчания сестра наконец ответила:

— 29 номеров.

— Боже. — Пайпер сделала вдох, комната словно закружилась... Ей снова двенадцать, и она катается на роликах по дну старого бассейна с треснутым цементом и облупившейся краской. Марго задом наперед нарезает круги вокруг бассейна, а Эми отчаянно шепчет на ухо Пайпер свой секрет, обдавая ее жарким дыханием...

— Вылетаю первым же самолетом. Без меня ничего не предпринимай. И никому ничего не говори, пока я не приеду. Даже Джейсону. Обещаешь?

— Обещаю, — ответила Марго. Ее голос парил где-то далеко, точно воздушный змей на конце длинной веревки, за которую Пайпер едва могла удержаться.

Мистеру Альфреду Хичкоку
«Парамаунт пикчерс»
Голливуд, Калифорния
3 июня 1955

Уважаемый мистер Хичкок!

Меня зовут Сильвия Слейтер, и мне одиннадцать лет. Я живу в Лондоне, штат Вермонт, у моей семьи здесь мотель под названием «Тауэр» на десятом шоссе. Я учусь на «отлично», и моя учительница, миссис Олсон, говорит, что я читаю и пишу на уровне старшекласников. Я помогаю папе с учетом, и иногда он разрешает мне написать итог за день в нашей большой бухгалтерской книге.

Когда я вырасту, я хочу стать актрисой. Или даже режиссером, как вы. Бывают ведь женщины-режиссеры? Моя сестра Роуз считает, что нет, но ей всего восемь.

Роуз, признаюсь, немного странная. Все время подглядывает за мной, надоело уже. Мама считает, что Роуз просто завидует, а отец говорит: у нее слишком богатое воображение. Бегает по мотелю в оборванных платьях, вся взъерошенная, а ее лучший друг на всем свете — грустная старая корова по имени Люси. И она имеет наглость называть меня глупой, потому что я хочу стать актрисой.

Я завела альбом для вырезок и вклеиваю туда фотографии знаменитых актеров и актрис. Иногда я показываю альбом дяде Фентону. Вы его любимый режиссер. Он видел все ваши фильмы. Это он предложил написать вам, ведь у меня есть идея для фильма. Только предупреждаю, будет очень страшно.

Ома — это мама моей мамы — приезжала к нам в прошлом году из самой Англии. Она рассказывала нам с Роуз жуткие истории. Роуз они понравились, а мне нет. У меня потом были кошмары.

Один рассказ я никогда не забуду, потому что Ома поклялась, что это правда. Страшнее истории я не слышала.

Я расскажу вам ее, мистер Хичкок, но прежде я должна кое о чем вас спросить.

Вы верите в чудовищ?

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе № 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Сильви сдвинула штору, которую они повесили на бельевую веревку у дома, и вышла на сцену.

— Леди и джентльмены, добро пожаловать в единственный и неповторимый «Знаменитый куриный цирк Лондона»!

Она опустила иглу на пластинку в граммофоне, и заиграла песня «Sh-Boom, Sh-Boom». Сильви начала покачиваться взад-вперед, и ее светлые кудряшки в такт подпрыгивали, закрепленные простыми белыми заколками. Перед представлением она накручивала их на бигуди, чтобы быть похожей на актрису Дорис Дэй.

Роуз вытерла пот со лба и отдернула штору, за которой скрывались зрители: мама с папой, дядя Фентон, любитель рыбной ловли Билл Новак, скромная пара молодоженов, направлявшаяся в Новую Шотландию на медовый месяц, и семья из Нью-Джерси — родители с двумя детьми, мальчиком и девочкой, они ехали отдыхать с палатками в Мэн. Сестры выступали и для более многочисленной публики, но сегодня тоже было неплохо, тем более для четверга. Вот завтра и в субботу, когда в мотеле полно постояльцев, зрителей будет много. Папа считал, что каждое выступление важно, даже если на тебя смотрит всего один человек.

— Никогда не знаешь, кем окажется твой единственный зритель, — говорил он девочкам. — Может, он искатель талантов. Или журналист. Может, у него сотня друзей и, вернувшись домой, он всем расскажет про мотель и про ваше выступление. — Папа сидел в первом ряду, наклонившись вперед, и внимательно смотрел на них своим здоровым глазом, а другим щурился — второй глаз различал только силуэты. На нем была рубашка с закатанными рукавами, в кармане лежали пачка «Лаки Страйк», ручка, карандаш и маленький блокнот.

Роуз считала папу самым красивым мужчиной в мире. Сильви говорила, что он вылитый Кэри Грант, о котором она любила читать в газетах и журналах, оставленных жильцами. Она выпросила у папы подписку на «Лайф» и штудировала журнал, который каждую неделю присылали почтой, от корки до корки. На этой неделе писали про «Парней и куколок — новый фильм с Фрэнком Синатрой и Марлоном Брандо в главных ролях.

Если его будут показывать в Лондоне — и если мама и папа разрешат, — Сильви уговорит дядю Фентона сводить ее в субботу на дневной сеанс. Фентон тоже любил кино и часто ходил в кинотеатр. После сеанса они с Сильви долго и оживленно обсуждали режиссеров и актеров, а порой он подробно, сцена за сценой, пересказывал ей фильмы, которые родители запрещали смотреть. Это Фентон подал ей идею завести альбом для вырезок, и Сильви часами листала журналы и газеты, вырезала снимки любимых звезд и клеивала в альбом. А еще она составляла списки фильмов, которые она уже видела и которые хотела посмотреть, и даже придумывала идеи для собственного кино.

Изредка Роуз тоже разрешали пойти с ними, однако чаще родители говорили, что она еще маленькая, и Роуз оставалась помогать маме по дому. Честно говоря, Роуз была не против. Иногда мама рассказывала, как она встретила папу, и эта история была как в кино.

Роуз нравилось представлять родителей на большом экране. Папин самолет сбили, и вот он лежит в английском госпитале, раненный и падший духом, но по-прежнему красивый, а мама, похожая на ангела в наглаженном белом халате, меняет повязку на его больном глазу.

— Я уже был в отчаянии, — рассказывал он девочкам свою версию, когда они просили. — Не хотел возвращаться домой и доживать остаток жизни полуслепым фермером. И тут я встретил ее. Я никогда не видел никого красивее вашей мамы Шарлотты.

При этих словах Роуз улыбалась, представляя, как мама, молодая и хорошенькая, появляется в фильме, и наступает переломный момент. Когда он так говорил, Роуз воображала, что в джунглях, у самого края водопада, папа находит единственную в своем роде орхидею, осторожно выкапывает ее, пересаживает в горшок и приносит домой, надеясь, что при нем она будет пышно цвести.

— Я спросил маму, откуда она. Она ответила: «Местная, из Лондона». А я рассмеялся и сказал: «Не поверишь, я тоже».

— Очень романтично, — говорила Сильви. — Парень из Лондона встречает девушку из Лондона. Это судьба.

«Жизнь была бы сном, покажи я тебе рай», — звучала песня на переносном граммофоне, который Сильви взяла из спальни.

— Встречайте мисс Матильду, звезду нашего шоу! — Сильви вывела на сцену толстенькую курицу породы род-айланд, подманивая ее изюмом. Матильда шла за Сильви к деревянной постройке, которую они соорудили из двух бревен в метре друг от друга. К каждому бревну вела лесенка, сверху был настил. Настоящий смертельный номер, только в цирке используют натянутую проволоку, а у них была тоненькая деревяшка — им не удалось научить курицу ходить по веревке.

Подгоняемая Сильви, Матильда залезла наверх по лестнице слева, прошла по жердочке к соседнему бревну, спустилась и клювом звякнула в колокольчик, который висел внизу.

Зрители радостно аплодировали. Сильви заставила Матильду поклониться, и аплодисменты зазвучали еще громче. Заколотые волосы Сильви растрепались и падали на глаза. Мальчик, сын постояльцев, сидел на самом краешке стула и зачарованно смотрел на Сильви. Сильви действовала на зрителей так же, как на цыплят: они не сводили с нее глаз, готовые выполнить любую просьбу.

Пусть сестра и была способна околдовывать кур и вообще всех вокруг, на Роуз Слейтер ее чары не действовали.

На Рождество дядя Фентон подарил Сильви книгу «Искусство и наука гипноза», и сестра внимательно прочитала ее, подчеркивая отдельные абзацы и делая пометки на полях. Фентон думал, что некоторые методы помогут ей в дрессировке птиц, однако Сильви не остановилась на курах и хотела испытывать свои навыки на Роуз.

— Следи за моим пальцем. Твои веки тяжелеют, ты засыпаешь. Я буду считать от десяти до одного, и когда я скажу «один», ты крепко уснешь, но будешь слышать все, что я говорю.

Ничего не выходило, Роуз лишь притворялась спящей. Она следила за пальцем Сильви, закрывала глаза, говорила и двигалась так, словно была в трансе. Роуз бормотала странные вещи, кудахтала, как цыпленок, делала все, что прикажет сестра. Ведь открыв глаза, она в любой момент может испортить игру, и окажется, что умница Сильви, красивая и изящная, просто так размахивала в воздухе своим дурацким пальцем.

Сама Роуз была полной противоположностью Сильви: крупная и неуклюжая, с темными волосами, которые вечно путались. На таких детях не задерживают взгляд, и Роуз короткой нескладной тенью пряталась за Сильви и показывала людям язык, если была уверена, что никто не заметит.

Пока Сильви и Матильда кланялись зрителям, Роуз готовила следующий номер с

курицей породы плимутрок по имени Петуния: Роуз научила ее ездить на металлическом роликовом коньке, который она катила на веревочке. Лучше всего удался наряд — клетчатое платьице и шляпка-таблетка, приколотая к перьям.

— Вперед, девочка, — прошептала Роуз курице и погладила ее на удачу. Потом схватила из упаковки горсть изюма и под дребезг металлических колес вывезла Петунию на сцену.

Дядя Фентон одобрительно засвистел. На самом деле он приходился папе дальним родственником и был намного моложе — ему недавно исполнилось девятнадцать. Дядя Фентон был, как обычно, одет в синие рабочие брюки, массивные черные ботинки и заляпанную белую футболку, из закатанного рукава которой торчала пачка сигарет. В заднем кармане он всегда носил с собой какую-нибудь тоненькую книжку в мягкой обложке, купленную в магазине «Все по десять центов», — научно-фантастический или детективный роман, а иногда вестерн. Дядя Фентон занимался в мотеле мелким ремонтом и жил за их домом в трейлере, за который платил с папиной помощью. Если Фентон не был занят чтением, ремонтом или стрижкой газона, он собирал мотоцикл. Иногда девочки помогали ему, и дядя обещал прокатить их, когда мотоцикл будет на ходу — может, он даже приделает коляску, чтобы поехать втроем.

Теперь из клетки за занавесом выпустили большую черную курицу по имени Солнышко, и все три птицы стали танцевать под руководством девочек, которые направляли их с помощью изюма. Одетые в шляпки и шелковые шарфики, курицы неуклюже натыкались друг на друга.

— И в заключение, — объявила Сильви, — с помощью гипноза я усыплю всех трех кур. Я прошу полной тишины. Смотрите и изумляйтесь.

Роуз крепко держала Матильду и Петунию рядом. Сильви придерживала Солнышко левой рукой, а в правой у нее была белая палочка (Сильви называла ее «волшебной куриной палочкой»), которой она описывала круги перед птицами. Потом она стала чертить прямые линии перед каждой курицей. Те следили за нарисованными на земле линиями, постепенно расслабляясь и замирая на месте. По одной Сильви подняла куриц и положила на спину, и они так и лежали лапками кверху. Зрители восхищенно ахнули. Сильви ответила гордой улыбкой, а затем щелкнула пальцами и громко сказала: «Проснитесь!» — и курицы вскочили и побежали в разные стороны.

— Та-дам! — Сильви отвесила низкий поклон, все еще держа куриную палочку в правой руке.

Мама выдергивала нитку из края платья, не глядя на дочерей, зато папа с широкой улыбкой девочкам аплодировал, а дядя Фентон громко смеялся, хлопая себя по коленям. Молодожены вежливо поаплодировали и ушли в свой номер. Домохозяйка из Нью-Джерси взяла мужа за руку, а тот улыбнулся ей, как бы говоря: «Невероятно!» Их обручальные кольца блестели на солнце. Маленькая девочка сказала брату: «Надо завести кур, когда приедем домой»; их родители засмеялись.

— Отличное представление, дочки, — сказал папа. Он достал из кармана блокнот и что-то быстро записал. У папы всегда были отличные идеи: как заработать денег, расширить и улучшить мотель и вообще изменить мир.

— Пойду готовить ужин. — Мама с опаской глянула на курицу в руках Сильви. Мама не очень-то любила цыплят. Она считала их глупыми и грязными птицами и иногда пугала девочек, что от кур можно подцепить какую-нибудь палочку. Роуз не представляла, что мама имела в виду и при чем здесь вообще палочки.

— Сегодня у меня газетный вечер, — напомнила им мама. По четвергам после ужина девочки прибирали на кухне и сами укладывались спать, пока папа присматривал за мотелем. Мама уходила на собрание: вместе с другими членами женского клуба Лондона они выпускали еженедельную газету «Лондонский глашатай» с новостями, рецептами и объявлениями. Мама была редактором, и каждый четверг на собрании обсуждались идеи для следующего номера.

Сильви пошла к загону коровы Люси и разрешила детям постояльцев погладить Петунию, пока папа болтал и курил с их отцом. Они говорили о том, что здесь опять строят трассу и через Лондон вскоре пройдет магистраль от деревушки Уайт-Ривер-Джанкшн до самой канадской границы. Покачив головой, папа тихо сказал:

— Нашему городу от этого только проблемы. Люди перестанут ездить по десятому шоссе.

Мальчик, гладивший Петунию, подошел так близко, что почти касался сандалий Сильви носками своих кед. Он дотронулся до ее руки, и Сильви ответила улыбкой.

— Как ты это делаешь? — спросил мальчик. — Как гипнотизируешь кур?

— Нужно много практики, — ответила Сильви.

— А людей тоже можешь?

— Конечно. Я все время делаю так с сестрой.

— А меня загипнотизируешь? — Его глаза блестели.

— Не знаю, — сказала Сильви. — Может быть.

Младшая сестра мальчика протягивала руку сквозь деревянное ограждение, чтобы погладить Люси. К забору была прибита табличка, на которой папа написал:

«КОРОВА ЛЮСИ РОДИЛАСЬ ОСЕНЬЮ 1943 ГОДА. НА ЛЕВОМ БОКУ У НЕЕ ПЯТНО В ФОРМЕ ШТАТА ВЕРМОНТ».

Корова лизнула руку девочки своим огромным языком. Малышка засмеялась.

— Она родилась в один день с моей сестрой, 16 сентября 1943 года, — сказала Роуз. — Сильви и Люси прямо как близняшки. — Роуз погладила Люси по ее счастливому пятну, накрыв рукой весь Вермонт. — Папа говорит, когда родилась корова, у него было видение. Он увидел мотель, башню и загон Люси. Папа знал, что сюда приедут люди. И он не ошибался, ведь вы здесь.

— Это твой папа построил ту большую башню? — спросила девочка. Строеие из камня и бетона было десять метров в высоту и четыре метра в ширину.

— Да, в год моего рождения, — ответила Роуз. — Он все делал сам: мешал цемент в тачке, таскал камни со склона горы.

— Это был подарок для нашей мамы, — объяснила Сильви. — Она англичанка, и чтобы она меньше скучала по дому, папа построил ей собственный лондонский Тауэр.

— Классное место. Поверить не могу, что вы здесь живете. У вас есть башня, бассейн и целый мотель.

— И Люси, — добавила Роуз.

— Какая мягкая, — сказала девочка, поглаживая корову.

— Вот бы жить тут и никуда не уезжать, — сказал ее брат.

— Знаю, — ответила Роуз. — Нам очень повезло.

— Однажды я уеду. — Сильви опустила Петунию на землю. Куры начали клевать что-то в земле. — Когда я вырасту, я уеду в Голливуд.

— В Голливуд? — усмехнулась Роуз. — Ты поедешь в Голливуд?

— Зачем? — спросил мальчик.

— Чтобы сниматься в кино, — ответила Сильви.

— Ты точно станешь звездой, — улыбнулся мальчик.

Над ними пролетела бабочка-монарх. Никто, кроме Роуз, ее не заметил. Бабочка запорхала над Сильви и аккуратно села ей на плечо.

Снова заметив на лице мальчика улыбку, Сильви рассмеялась.

— Ну разве не прелесть? — сказала она.

— Да, — ответил мальчик, глядя вовсе не на бабочку.

Роуз протянула к бабочке палец. «Иди ко мне», — мысленно приказывала она.

Бабочка не послушалась, и Роуз нетерпеливо схватила ее и оторвала тонкое крылышко.

— Роуз! Какая ты неосторожная! — прошипела Сильви. — Глянь, что ты наделала!

Сильви побежала к дому, бережно придерживая покалеченную бабочку, и стала звать маму.

Мальчик из Нью-Джерси с отвращением отвернулся, упустив возможность подружиться с Сильви — вряд ли ему выпадет еще один шанс. Он взял младшую сестру за руку и, несмотря на возражения — девочка хотела еще потрогать корову, — потащил ее к двенадцатому номеру. Роуз осталась наедине с Люси. Она погладила корову, накручивая на пальцы ее знакомую пыльную шерсть.

— Это неправда, — сказала Роуз Люси. Она не была неосторожной. Наоборот, она слишком осторожничала и переживала. Иногда переживала так сильно, что ее сердце было готово разорваться от боли.

К следующему вечеру в мотеле были заняты все номера, кроме одного, двадцать восьмого, в самом конце нового здания.

Она сидела с мамой в конторском помещении. После ужина папа убежал по делам и до сих пор не вернулся. Когда Роуз спросила, куда он ушел, мама поджала губы.

— Просто ушел. Когда вернется, тогда и вернется.

Роуз не возражала. Ей было хорошо с мамой вдвоем. Иногда мама читала ей что-нибудь из газеты или рассказывала о своем детстве в Англии. Роуз представляла маму маленькой девочкой, серьезным опрятным ребенком. Наверняка она заведовала ремонтом кукол на своей улице и всегда хорошо себя вела.

Роуз устала, веки смыкались. Сетчатая дверь была закрыта, и в сетку бились майские жуки и мотыльки, будто говоря: «Написано, что есть свободные номера. Можно войти?»

Хотя давно пора было ложиться спать, мама разрешила Роуз посидеть с ней еще немного — вдруг приедут постояльцы? Роуз нравилось встречать сонных и уставших с дороги гостей. Она подавала им карточки регистрации и наблюдала за тем, как они вписывают свое имя, адрес, число проживающих в номере, модель и номер автомобиля. Всегда интересно узнавать, откуда кто приехал: из Стейтен-Айленда, штат Нью-Йорк, из Портеджа, штат Пенсильвания, а как-то раз даже была пожилая пара из городка Рождество, штат Флорида! Только представьте, город под названием Рождество!

Иногда постояльцы рассказывали, куда направляются: в Нью-Гэмпшир, Мэн, а то и в Канаду. Некоторые ехали к океану — Роуз видела его всего раз, когда мама и папа возили сестер в Хэмптон-Бич. Они поехали туда зимой, ведь нельзя бросать мотель летом, в самый разгар сезона. Сильви бегала туда-сюда по пляжу, собирая камешки, ракушки и обломки прибитых к берегу коряг, и все восхищалась красотой океана и привкусом соли на губах. Роуз дрожала: ей океан показался холодным, темным и бесконечным. Она представила, что на пляже полно отдыхающих, люди купаются и загорают, в воздухе пахнет хот-догами и яблоками в карамели, но лучше не стало. Почему-то воображение рисовало опустевшую сцену — школьная пьеса кончилась, все костюмы и декорации давно убрали.

Роуз нравились названия машин, на которых приезжали постояльцы: «дождь-коронет», «хадсон-хорнет», «студебеккер-старлайнер» — массивные стальные корпуса, блестящие радиаторные решетки, колеса, хрустящие по гравию подъездной дорожки. Эти колеса проехали сотни километров и побывали в таких местах, о которых Роуз могла только мечтать.

Папа говорил, что с каждым годом автомобили становятся все больше и быстрее. Однажды машины станут похожи на космические корабли, как в одном научно-фантастическом романе, что читал дядя Фентон. Можно будет домчать из Лондона, штат Вермонт, до Рождества, штат Флорида, меньше чем за час. Или вообще через весь океан в Лондон, который в Англии, где родилась мама.

По дороге мимо мотеля проехала машина; задние огни мелькнули вдалеке и скрылись за углом по направлению в центр города. Скоро они проедут мимо заправки «Тексако», универмага «Вулвортс», городской библиотеки и конгрегационалистской церкви. Впрочем, в такой поздний час все уже закрыто.

В последнее время вокруг только и говорили, что о новых федеральных трассах. Ее учительница мисс Маршалл рассказала, что президент Эйзенхауэр обещал построить

хорошие широкие дороги, которые свяжут всю страну. Отличная идея (хотя папе она такое ни за что бы не сказала, он багровел от злости при упоминании автострад) — ведь здорово, если по одной дороге можно добраться на другой конец страны. По трассе, полной красивых автомобилей с урчащими двигателями, которые мчат так быстро, что едва разглядишь их колеса. Не совсем как космические корабли, но похоже.

Порой Роуз снились всякие механизмы. Автомобили и ракеты. Большие машины, которые строят трассы, бульдозеры и грейдеры, экскаваторы и катки. Во сне все они ехали сюда, копали землю, подрывали скалы, укладывали гладкий асфальт, по которому помчится транспорт. Они пыхтели и грохотали. Все ближе и ближе.

— Где твоя сестра? — спросила мама, и Роуз протерла глаза.

— В нашей комнате. У нее болит голова.

— Бедняга, — сказала мама, и Роуз с сочувствием кивнула.

* * *

— Может, это была не просто бабочка, — сказала Сильви сестре, когда после ужина они остались одни в своей комнате. Бабочка с одним крылом лежала на тумбочке Сильви.

— Как это?

— Забыла, о чем рассказывала Ома? — широко раскрыв глаза, спросила сестра.

Роуз покачала головой. Нет, она все помнила. Бабушкины истории до смерти перепугали Сильви, и с тех пор Ома делилась ими только с Роуз.

Бабушка навещала их в прошлом году. Они готовились к ее приезду несколько недель: наводили порядок в доме, поставили раскладушку в маминной комнате для шитья и с интересом расспрашивали маму о том, какая она, их бабушка из Англии, которую они никогда раньше не видели.

— Вот ваша бабушка, — представила ее мама, когда из папиной машины вылезла пожилая женщина. На плече у нее висела огромная лакированная сумка, а пальцы в белых перчатках были испачканы чем-то желтым.

Она внимательно рассмотрела девочек с ног до головы, повертела их, потрогала лица и волосы. Видимо, убедилась, что все в порядке, и расцеловала внучек в щеки.

— Зовите меня Ома, — сказала бабушка.

У нее был странный акцент. Мама потом объяснила, что Ома родом из Германии, но вышла замуж за англичанина.

— Почему она раньше не приезжала? — спросила Роуз.

— У бабушки очень много дел. Ома ненавидит летать, так что пересечь Атлантический океан для нее настоящий подвиг. Она приплыла на корабле.

Ома любила мятные леденцы, носила свитера, которые сама связала, и учила девочек готовить яблочный пирог.

Как-то утром Роуз проснулась со спутанными волосами. Ома поцокала языком и начала расчесывать внучку.

— Наверное, к тебе приходил оборотень.

— Это еще кто? — поинтересовалась Роуз.

— Разве мама не рассказывала вам про оборотней? — неодобрительно спросила Ома.

Роуз и Сильви покачали головой.

— Днем они обычные люди, а ночью превращаются в разных существ. В кошек, в птиц или бабочек.

— Это сказки. Ты все выдумываешь, — подала голос Сильви из своей кровати.

— Уверена? — Ома продолжала осторожно распутывать волосы Роуз.

— А они добрые?

— Иногда. Хотя, бывает, превращаются в страшных чудовищ с огромными зубами и когтями. Они приходят ночью, запутывают волосы, крадут дыхание. Надо быть осторожнее, иначе они проглотят тебя целиком.

Лучше бы Ома не рассказывала им про оборотней. Роуз-то не было страшно, а вот Сильви перепугалась так, что ей стали сниться кошмары.

Однажды утром, когда мама успокаивала дочь после очередного жуткого сна, Сильви пожаловалась на страшилки Омы. Сказала, что с тех пор во всех людях и животных ей чудятся оборотни.

— Это ведь все неправда, да, мам? — хлюпала Сильви.

Мама была в ярости.

— Хватит забивать детям голову, — прошипела она бабушке, жалея, что вообще ее пригласила. Девочек рано уложили спать, однако Роуз пробралась к лестнице, чтобы подслушать их ссору. На следующий день Ома уехала обратно в Англию.

Роуз злилась на маму за то, что та прогнала Ому, но больше всего она винила Сильви — не будь она такой трусишкой и ябедой, мама ничего бы и не узнала.

Ома присылала Роуз веселые письма из Англии, и мама всегда вскрывала их перед тем, как отдать Роуз. Бабушка собиралась связать Роуз свитер на Рождество и спрашивала, какой цвет ей больше нравится. Роуз попросила красный и написала в ответ бабушке, что очень скучает.

Однако свитер Роуз так и не получила. Незадолго до Рождества маме позвонила двоюродная сестра из Англии. Ома погибла в аварии.

Роуз была убита горем. Из всех взрослых только бабушке Роуз нравилась больше, чем ее сестра, только Ома считала Роуз особенной. Так нечестно.

Она часто вспоминала, как они гуляли в лесу за мотелем и как Ома рассказывала ей истории.

— Все здесь живое, Роуз, — говорила она, обнимая внучку. — Ты чувствуешь?

Роуз постоянно размышляла об этом: все вокруг живое, не только деревья и грибы в лесу, но и дороги, и здания, и машины. Моргая фарами в темноте, на подъездную дорожку въехал автомобиль. Может, папин «шеви бель-эйр»?.. Нет, машина была не та, да и двигатель звучал иначе.

— Похоже, сейчас займут последний свободный номер, — сказала мама, когда машина подъехала к конторе.

Мужчина вышел и потянулся. (Уставшие с дороги, гости всегда так делали.) Женщина со светлым платком на голове осталась сидеть внутри.

Теперь Роуз разглядела машину. «Нэш-рэмблер». Бродящий по дорогам^[1]. «Бродящая Роза дикой красоты» — прямо как в песне Перри Комо. У родителей есть такая пластинка. Папа иногда напевал своей маленькой Бродящей Роуз эту песню.

Слегка шаркая, мужчина в белой мятой рубашке зашел в помещение и зажмурился от яркого света. Его глаза налились кровью от долгой поездки.

— Добрый вечер. Мы с женой хотели бы снять номер, — сказал он.

— Вам повезло, — ответила мама. — Остался всего один. Четыре доллара за ночь.

— Отлично.

Роуз подала ему карточку регистрации и вышла из-за стойки.

— Я пойду переверну табличку, мама.

— Умничка. А потом сразу спать.

— Есть, мэм. — Перед уходом Роуз сделала реверанс, потому что знала, что при гостях надо вести себя очень хорошо. Что бы ни случилось, они должны изображать идеальную семью, а Роуз — идеального ребенка.

«Побольше очарования, девочки, — всегда говорил папа. — Тогда гости всегда будут останавливаться у нас».

— Какая милая девочка, — сказал мужчина, заполняя карточку.

— Да, — ответила мама. — Хорошая девочка.

Хорошая девочка. Хорошая девочка. Хорошая девочка.

Роуз побежала вприпрыжку по подъездной дороге (она не ошиблась, это и правда был «рэмблер»), подошла к освещенной табличке и перевернула ее надписью «Мест нет». Стоя в круге света, она будто оказалась на сцене, а мотель «Тауэр» позади служил декорацией. Роуз потанцевала — Ома научила ее паре движений: скользишь, потом шаг, опять скользишь, затем пируэт и реверанс. Сильви собиралась уехать в Голливуд, чтобы стать звездой. «Но не я, — думала Роуз, танцуя. — Я останусь здесь навсегда».

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
«Парамаунт пикчерс»
Голливуд, Калифорния
11 августа 1955

Уважаемый мистер Хичкок,
иногда бабочка — это не просто бабочка. Так говорила мне Ома.
Знаете, что самое страшное она рассказала?
Что можно быть чудовищем и даже не осознавать это.
Они похожи на нас.
Думают, что они — это мы.
Только на самом деле внутри у них прячется монстр.
Не знаю, как вам, а на мой взгляд, отличная идея для фильма.

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз опять снилось, как на нее напал темный бесформенный зверь и давит всем своим весом, пока Роуз не уменьшится до размеров куклы, а потом и вовсе не станет крошечной, как слеза. Она боролась изо всех сил, но ничего не могла сделать.

«Проснись, — сказала Роуз самой себе. — Просыпайся».

Она открыла глаза. Бабочка с оторванным крылом неслышно билась о стекло старой банки на тумбочке Сильви. С бешено стучащим сердцем Роуз наблюдала за ее усилиями в тусклых лучах рассвета и не могла вздохнуть.

Хотя Роуз была уверена, что не спит, тело не слушалось. В комнате стояла вонь, как от дикого зверя.

Рядом слышалось чье-то дыхание — резкое, гортанное, — но видно ничего не было.

Краем глаза Роуз заметила какое-то движение в темноте. Здесь точно что-то есть — что-то злобное, желающее причинить ей вред.

Роуз осмотрелась, однако ничего такого не заметила. Правда, стало как-то темнее, словно привычную комнату вывернули наизнанку.

Заливавший спальню лунный свет почему-то был зеленоватым. Как бы Роуз ни хотела закричать и позвать на помощь, она не вымолвила ни звука.

«Я что, умерла?»

Собравшись с силами, Роуз попробовала встать или хотя бы пошевелить мизинцем... Увы, двигаться могли только глаза.

Роуз хотела усилием мысли заставить сестру встать и помочь ей, но кровать Сильви была пуста. Одеяло сброшено, подушка примята.

Неужели явился оборотень и забрал Сильви?

Вот опять — свистящее дыхание, запах гнилого мяса и мокрой шерсти, который ощущался даже во рту. Какой-то низкий звук вроде рыка вибрацией прошел сквозь тело. Однако Роуз по-прежнему ничего не видела — чудище пряталось в темноте, может, под ее кроватью. Кто бы это ни был, у него наверняка полно острых зубов, и если Роуз заглянет ему в пасть, то увидит обрывки белой ночнушки сестры.

«Пожалуйста, — мысленно взмолилась Роуз. — Пожалуйста, уходи. Не трогай меня. Пожалуйста». Она вдруг вспомнила молитву, которую мама научила их произносить перед сном: «Ангелы, храните меня ночью и будите поутру».

И Роуз пошевелилась. В легкие вошел воздух. Противный животный запах рассеялся. Боясь заглянуть под кровать, Роуз выскочила из комнаты и помчалась по коридору к спальне родителей.

— Что такое? — спросила мама, шурясь от лунного света, проскользнувшего в комнату из коридора.

— Что-то приходило ко мне в комнату, — тяжело дыша, сказала Роуз. Окна были закрыты, шторы задернуты. В родительской спальне стоял затхлый запах, а еще здесь пахло папиными сигаретами и мамиными духами. Рабочая рубашка папы висела на стуле рукавами вниз, отчего в темноте стул казался живым — сейчас затопает по полу на своих четырех ножках.

— Опять летучая мышь? — Мама привстала, ее светлая ночная рубашка засветилась. Папа тоже заворчал. В начале весны к ним в комнату залетела летучая мышь, и папе

пришлось выгнать ее метлой. Он посмотрел на часы — почти пять утра.

— Нет, не летучая мышь. Я... я не знаю, что это было.

«Чудовище. Чудовище из моих снов.оборотень из рассказов Омы».

— Я его слышала, чувствовала запах, но не видела. Я не могла пошевелиться. По-моему... — Хватит ли ей смелости сказать это? — По-моему, оно схватило Сильви.

Папа усмехнулся.

— Тише, — успокаивала Роуз мама. — Теперь все хорошо.

— Марш в кровать, — сонным хриплым голосом сказал папа. — Еще слишком рано для твоих сказок.

Папа всегда говорил, что у Роуз богатое воображение, имея в виду, что она любит преувеличивать и выдумывать — а потом смотрит, сойдет ли это ей с рук.

— Не могу, — ответила Роуз. — Я же сказала, в моей комнате что-то было. И Сильви исчезла!

— Ничего там нет. — Папа перевернулся. — Тебе приснилось.

Роуз покачала головой. Она не была трусишкой вроде Сильви.

— Это не сон. Я не выдумываю. Все было наяву.

— Я уверена, что твоя сестра в постели.

— Ее там *нет*. Сильви схватил оборотень.

Мама с раздражением включила ночник.

— *Оборотень?* Сколько раз повторять: истории Омы — это просто сказки. — Она встала с кровати, накинула халат и пошла в комнату девочек. Уже через минуту мама вернулась и сказала: — Сильви спит себе в кровати. — Она сняла халат и залезла обратно в постель. — И нам всем тоже неплохо бы поспать. Иди к себе.

— Клянусь, ее там не было!

— Да что ж такое, — проворчал папа. — Пойду поставлю кофейник.

Он потопал в коридор — в полосатой пижаме, со взъерошенными волосами. «Осторожно, — хотела сказать Роуз ему вслед. — Оно все еще где-то там».

Роуз залезла в постель на папино нагретое место, прижалась к маме и положила голову ей на плечо.

— Бедная моя девочка, — вздохнула мама. — Ты и правда напугана. Зачем только бабушка забила вам голову этой ерундой?

На кухне потекла вода, папа включил старый деревянный радиоприемник и, подпевая, открыл новый холодильник.

Мама гладила ее по волосам, а Роуз вспоминала разговор с Омой.

— А мама знает про оборотней? Она в них верит?

— Верит, — улыбнулась Ома, — только ни за что не сознается. Некоторым, Роуз, проще сделать вид, что всяких ужасов не существует.

* * *

— Она умерла. — Сильви с грохотом поставила банку с бабочкой на столик перед Роуз.

Роуз сидела на диване, прижав подушку к груди. Тельце бабочки-монарха неподвижно лежало на листьях, постеленных на дно. Сквозь стекло, которое увеличивало крылья, можно было хорошо разглядеть черные прожилки на ярко-оранжевом фоне. Прямо как витражи в

церкви. Роуз представила церковь из бабочек, где поклоняются превращению. Гусеницы, кокон, куколка, бабочка.

— Это ты убила ее. Ну, довольна? — Сильви сердито смотрела на Роуз, уперев руки в бока.

Роуз прикусила губу и еще сильнее прижала к себе подушку. Почему бабочка не выбрала ее, почему не села к ней на палец? Ома поняла бы, что расстроило Роуз.

— Я не хотела.

Сильви по-прежнему сверлила сестру взглядом.

— Как знать. Может, хотела, а сама того не осознавала.

— В этом нет никакого смысла. — Роуз подняла банку и заглянула внутрь. Вот бы бабочка зашевелилась и запорхала крыльями.

— Как и в убийстве бабочки.

Сильви села в папино кресло-качалку, не отводя глаз от Роуз.

— Где ты, кстати, была? — обвинительным тоном спросила Роуз, глядя на сестру сквозь стеклянную банку.

— Когда? — резко ответила Сильви. Из-за стекла и ярко-оранжевой бабочки ее лицо исказилось. Впервые в жизни Сильви выглядела не красавицей, а странным отвратительным существом, оранжевым чудищем.

— Сегодня утром, около пяти. — Роуз поставила банку обратно на столик. К Сильви вернулся ее прежний нормальный облик с аккуратно уложенными волосами. — Я проснулась, а тебя нет.

— Я никуда не уходила, Роуз. — На мгновение Сильви показалась встревоженной и даже перепуганной, но выражение ее лица быстро переменялось. Она смотрела на Роуз, как на сумасшедшую младшую сестренку. — Куда я могла подеваться?

— Тебя не было. А подушка...

Сильви подняла палец и стала водить им из стороны в сторону, как учили в книжке по гипнозу, а потом заговорила медленным и успокаивающим голосом:

— Следи за моим пальцем. Вот так, хорошо. Твои веки тяжелеют, ты хочешь закрыть глаза...

Роуз подыгрывала и следила за пальцем сестры.

— Давай, Роуз, закрывай глаза. Вот так. Засыпай крепче. Еще крепче. Ты слышишь только звук моего голоса. Ты поймешь все, что я буду говорить. Кивни, если тебе все ясно.

Роуз кивнула.

— Я лежала в кровати, — сказала Сильви. — Я никуда не уходила.

Роуз опустила плечи, словно расслабившись под действием сил сестры.

— А теперь скажи, что ты видела утром, — мягким голосом приказала Сильви.

— Ты лежала в кровати, — монотонным голосом повторила Роуз. — Ты никуда не уходила.

— Вот и хорошо. Ты запомнишь, что все так и было. Поняла?

— Да.

— Молодец. На счет «три» ты откроешь глаза. Раз, два, три.

Сильви с улыбкой сидела на стуле напротив, сжимая руку в кулак. Бабочка по-прежнему оставалась в банке на столе — как что-то мертвое может быть таким ярким?

— Интересно, мама сегодня добавит в блинчики чернику? — жизнерадостно спросила Сильви, поглядывая в сторону кухни, как будто ничего не произошло.

У Роуз бешено забилось сердце. Теперь она точно знает, что ночью сестра выходила из комнаты, но почему-то хотела скрыть это от Роуз. Раньше Сильви ничего от нее не утаивала, и Роуз это не понравилось. Совсем не понравилось.

Пайпер катила свой небольшой чемодан на колесиках по терминалу мимо рядов пластиковых сидений, ресторана с блинчиками и лавки с неоправданно дорогими подушками для шеи и масками для глаз. Через двойные двери она вышла в главный коридор и сразу принялась искать в толпе Марго. Сестра на последнем месяце: ее трудно не заметить. Пайпер вдруг вспомнился вчерашний сон, в котором Марго, стоя на краю ямы, теряла равновесие.

Лучше выбросить это из головы. Вот парочка обнимается, мама встречает сына-студента, мужчина в костюме держит табличку с надписью «ГРУППА УОКЕРА», полицейский изучает толпу. Марго нет. Пайпер полезла в сумку за телефоном, когда кто-то коснулся ее руки.

— Пайпер?

Это был полицейский.

— Джейсон! — Пайпер наконец узнала в нем своего зятя. Дело было не только в безликой форме: последний раз они виделись на Рождество два года назад, с тех пор Джейсон похудел и теперь выглядел намного старше.

Неужели это тот самый неуклюжий лохматый мальчишка с полными карманами жуков, который повсюду ходил за ними тем летом? Тот самый мальчишка, который писал Эми зашифрованные любовные письма? Порой Пайпер замечала, как Джейсон весело ухмыляется или пожимает плечами, и снова видела в нем того двенадцатилетнего парня.

— Рада тебя видеть, — сказала Пайпер, и он крепко ее обнял. От Джейсона пахло пряным гелем после бритья и сигаретами. — А где Марго?

— Не смогла приехать, — напряженно ответил Джейсон и отвел взгляд. Под покрасневшими глазами залегли темные круги, как будто он не спал целую неделю. — Поехали домой. Поговорим в машине.

Джейсон забрал у нее чемоданчик и таким быстрым шагом пошел к парковке, что Пайпер едва за ним поспевала.

Они забрались в старый пикап «форд-рэнджер». Кондиционера не было, ехали с открытыми окнами. Солнце пригревало через лобовое стекло, в кабине стало очень душно, но Джейсон этого не замечал, даже не вспотел. Несмотря на жару и явное отсутствие амортизаторов и приличной подвески, Пайпер была рада, что он приехал на своей, а не на полицейской машине. Если в их крошечном Лондоне вообще есть полицейские машины.

Пайпер редко сюда приезжала. Обычно сестра сама навещала ее в Лос-Анджелесе — Марго была только рада на пару недель вырваться из родного городка и посмотреть разные достопримечательности: битумные озера, Китайский театр, пирс Санта-Моники. Она увлеченно разглядывала архитектуру, и Пайпер поражал интерес сестры ко всякому ар-деко, так непохожему на все эти старые мельницы, фермы и гранитные амбары Вермонта, сохранению которых Марго посвятила свою жизнь.

Джейсон почти никогда не ездил в Калифорнию вместе с женой, говорил, трудно вырваться со службы. Пайпер не расстраивалась — не то чтобы она не любила зятя, просто в его присутствии ей было неловко. Она вела себя наилучшим образом, как и подобает мудрой старшей сестре, ведь в детстве Джейсон знал совсем другую, безрассудную Пайпер, по чьей вине Марго постоянно попадала в неприятности — то из-за первой пивной вечеринки, то из-

за травки.

Что еще хуже, в старших классах Пайпер считала, что более дурацкой затее, чем встречаться с Джейсоном, и быть не может, и даже сказала Марго: «Для него ты всегда будешь вторым номером. Этаким утешительным призом. Он давно влюблен в Эми, ничего не попишешь».

Зря она была так жестока с собственной сестрой (хотя, видит бог, говорила правду). Неизвестно, знал ли Джейсон о ее непрошеном совете; хватало того, что Пайпер сама об этом помнила.

Джейсон оплатил стоянку и выехал с парковки аэропорта. Он крепко сжимал руль, золотое обручальное кольцо поблескивало на солнце.

Джейсон молчал, и Пайпер начала волноваться.

— Джейсон, с Марго все в порядке?

— Утром она упала в обморок, — ответил он, не сводя глаз с дороги. — Я отвез ее в больницу, и врачи сказали, что у Марго повышенное давление, а это может быть опасно и для нее, и для ребенка. Называется преэклампсия или как-то так. Ей прописали постельный режим и в зависимости от состояния могут назначить роды до срока. — Он сообщил все это своим полицейским тоном — никаких эмоций, мэм, только сухие факты.

— Но с ней все хорошо? — обеспокоенно спросила Пайпер. Ее голос дрожал.

— Будет хорошо, если станет отдыхать и слушаться доктора. До срока всего две недели, уже недолго.

Марго терпеть не могла сидеть на месте и всегда занималась пятью делами сразу. Постельный режим для нее все равно что тюремное заключение.

— Бедняга.

Джейсон кивнул, по-прежнему глядя вперед. На перекрестке с заправкой и рестораном «Френдлис» он повернул направо и перестроился в левый ряд, к выезду на трассу. За окном мелькали гипермаркеты и сетевые кафешки. В детстве ничего этого не было, только фермерские земли и дома.

— Пайпер, — сказал он мрачным тоном. — Я понимаю, что... произошедшее с Эми — тяжелый удар. Весь город в ужасе. Марго тоже пала духом. Я ведь помню, как вы втроем дружили в детстве.

«Еще бы ты не помнил, — машинально подумала Пайпер. — Ты же был там, следил за нами, шпионил, жаждал внимания Эми. Только ничего не вышло, так ведь?»

Видимо, Джейсон замолчал в ожидании ее ответа, и Пайпер выбросила из головы жестокие мысли. Непонятно, каких слов он ждал, так что она просто кивнула.

— Я не хочу, чтобы ты расстраивала Марго разговорами про Эми. Никаких газет или новостей по телевизору.

— Хорошо, — согласилась Пайпер. — Пока мы не приехали, расскажешь что-нибудь о произошедшем?

— Нет, расследование еще продолжается.

— Есть хоть малая вероятность того, что Эми невиновна?

Джейсон вздохнул.

— Я тоже не желаю в это верить, но все улики указывают на нее.

— Мне трудно представить, что Эми способна на нечто подобное.

Он покачал головой.

— Никогда не знаешь, кто на что способен.

— А малышка? — спросила Пайпер. — Дочка Эми? С ней все в порядке?

— Насколько все может быть в порядке с ребенком, чью семью убили в доме, на крыше которого она пряталась.

— Господи, какой ужас!

— Она стояла там как статуя — в одной пижаме, ноги в крови. Боже, в тот момент она была так похожа на Эми в детстве!.. — Голос Джейсона дрогнул, и в его словах наконец появились эмоции. — В общем, она не могла сдвинуться с места. Пришлось нести ее обратно в дом на руках. Девочку трясло, она ни слова не говорила. Шоковое состояние, сказали врачи.

— Бедняжка.

Как же ее зовут? Пайпер никогда не виделась с девочкой, но узнавала от Марго новости о детях Эми и смотрела их фотографии в Фейсбуке. Спросить у Джейсона Пайпер стеснялась — тогда станет ясно, что она совершенно выпала из жизни некогда лучшей подруги.

Остаток пути они проделали в тишине: попытки завязать беседу вскоре иссякли. Оба сдались и просто смотрели в окно. Перед съездом на Лондон Пайпер вспомнила рассказ Эми о том, как трасса погубила мотель:

— Раньше на десятом шоссе кипело движение. По словам бабушки Шарлотты, постояльцы приезжали каждый вечер, а по выходным вообще все номера были заняты. Куча зрителей собиралась на эти безумные представления куриного цирка, которые устраивали моя мама и ее сестра Сильви. Все хотели посмотреть на корову Люси. Однако, как только построили объездное шоссе, поток людей иссяк. Им больше незачем было заезжать в Лондон.

Пайпер прекрасно их понимала. Когда после развода родителей они переехали в Лондон, Пайпер попала в богом забытый опустевший городок: магазины и рестораны заколочены досками, крыши провалились, окна разбиты. Даже сейчас она не представляла, что может привести людей в этот город. Что заставило ее сестру остаться здесь? Марго работала в некоммерческой организации, которая выдавала гранты на восстановление и поддержание исторических зданий. Она всегда говорила, что Лондон для нее самое подходящее место: молодые семьи ремонтируют потрясающие старинные дома, застройщики приобрели несколько зданий в центре и планируют открыть студию йоги, кофейню и паб. Правда, эти планы так и не воплощались в жизнь, и Пайпер считала, что оптимизм ее сестры граничил с бредом.

Большинство витрин на Мэйн-стрит были закрыты. Работали только антикварная лавка, парикмахерская и магазин «Все по одному доллару». «Вулвортс» стоял на месте, с забытыми окнами, сквозь щели в которых виднелась буфетная стойка. Осталось две заправки (на одной из них реклама знаменитых жареных цыплят миссис Клак), крошечная библиотека в каменном строении, конгрегационалистская церковь и мемориал ветеранов американских зарубежных войн. Недалеко от центра расположилось гранитное здание с пожарной частью и отделением полиции. Джейсон посмотрел в его сторону и помахал мужчине в форме пожарного.

Дороге явно требовался ремонт. Впереди ехал автобус, из заднего стекла на них смотрела девочка. Подружка прошептала что-то ей на ухо, и та с хохотом отвернулась. Когда-то и Пайпер с Эми ездили вместе на заднем сиденье, выходили у мотеля и бежали по размытой гравийной дорожке на кухню, где их ждала бабушка Шарлотта с зажатой в зубах

сигаретой. В гостиной на всю мощь работал телевизор, чтобы бабушка ничего не упустила в мыльной опере, пока ходила из одной комнаты в другую. Она встречала их тарелкой печенья, которое на английский лад называла бисквитом.

«Все мои бабушки и дедушки из Лондона, — как-то раз с улыбкой сказала ей Эми. — Из Лондона в Англии и из Лондона в Вермонте».

Но сейчас школьный автобус проехал мимо покосившегося указателя мотеля. Пайпер прочитала знакомые слова: «Мотель «Тауэр», 28 номеров, мест нет». Когда-то буквы были красными, а теперь выцвели и стали едва различимы. Подъездная дорожка вела к покосившейся башне. У мотеля по-прежнему было полно полицейских машин и репортерских фургонов, и все дети в желтом школьном автобусе прилипли к окнам. У Пайпер перехватило дыхание.

— Господи, — выдохнула она, глядя на башню. Строение и тогда было в ужасном состоянии, но сейчас башня пугающе наклонилась вправо, словно ее тянуло к дому. Каменные зубцы с крыши обвалились. Вход был забит двумя досками, поверх которых добавили знак «ВХОД ВОСПРЕЩЕН», а краской на стене кто-то написал: «ОПАСНО».

У Пайпер по телу пробежал холодок. Джейсон притормозил.

— Прости, — сказал он. — Надо было поехать другой дорогой.

— Все нормально.

— Не знаю, говорила ли Марго, — добавил Джейсон, еще крепче сжимая руль. — Эми оставила записку... ну, не совсем записку, просто написала кое-что на старом снимке. «29 номеров». Тебе это о чем-нибудь говорит?

Впервые с момента встречи в аэропорту Джейсон посмотрел прямо на нее своими карими глазами, ожидая ответа. Будто Пайпер опять двенадцать лет и ее опять достает надоедливый поклонник Эми. Они все над ним смеялись.

Пайпер сделала вид, что пытается припомнить, и покачала головой.

— Нет, — сказала она, не отрывая взгляда и не выдавая эмоций. Лучше бы они не нашли этот чертов снимок, лучше бы она вообще никогда не слышала об этом двадцать девятом номере и не видела бы его собственными глазами. — Ни о чем.

Джейсон молчал. Интересно, он ей поверил?

— Как мы выяснили, — наконец сказал он, — на самой фотографии мама Эми, Роуз, со своей сестрой Сильви — им там примерно восемь и двенадцать лет. Сильви пропала вскоре после окончания школы. Эми ничего о ней не рассказывала?

— Пару раз упоминала, — пожала Пайпер плечами. — Сильви вроде сбежала в Голливуд.

И всего на мгновение Пайпер почувствовала, что ее щеку обожгло горячим дыханием Эми, которая прошептала ей на ухо:

— Врушка, врушка.

Спальня Марго и Джейсона походила на картину в раме цвета слоновой кости и морской пены. Как и в остальных комнатах, здесь было полно старинных фотографий давно ушедшего Лондона — старый супермаркет «Эй-энд-Пи» в центре города, молочная ферма на Мэйн-стрит.

Марго лежала на кровати, откинувшись на взбитые подушки, а на расстоянии вытянутой руки находилось все необходимое: книги в мягких обложках, журналы о воспитании детей, бутылка воды, пульт от телевизора, мобильный телефон, несколько протеиновых батончиков и яблоки. Рядом была и коллекция старых пожелтевших газет, сложенных в прозрачные файлы, одну из которых она читала. «Лондонский глашатай».

Марго отбросила газету в сторону и завопила: «Пайпер! Ты приехала!», как будто вовсе не ожидала ее увидеть.

Пайпер плюхнулась на кровать и обняла сестру. Она спиной ощущала, что Джейсон сверлит ее взглядом.

— Зачем тебе древние газеты? Только не говори, что для работы!

— Не совсем, — с хитрой улыбкой ответила Марго. — Это дополнительный проект для исторического сообщества. Выбираю номера «Глашатая» для выставки. В пятидесятых-шестидесятых ее помогали издавать жительницы Лондона. Потрясающе! По этим строкам можно проследить невероятную историю города.

У Марго всегда горели глаза, стоило ей завести разговор об истории Лондона. Пайпер успокоилась и только теперь поняла, как сильно переживала за сестру по дороге из аэропорта. Да, Марго лежит в кровати с огромным животом, она еще больше расплнела, но в остальном это все та же Марго, которая радуется стопке старых пыльных газет.

Пайпер посмотрела на первую полосу одной из газет. Выпуск от двенадцатого марта 1952 года. Главный материал рассказывает про шоу талантов для старшеклассников, а еще напечатан рецепт знаменитой запеканки миссис Минетти из трех видов фасоли.

На стене слева от кровати висела фотография фермы. Рассмотрев ее повнимательнее, Пайпер поняла, что это старая ферма Слейтеров, на месте которой дед Эми впоследствии построил мотель. Пайпер узнала дом и очертания холма за ним. Было непривычно видеть этот пейзаж без обваливающейся башни и номеров мотеля — только поле и коровы.

Странно и даже тревожно, что Марго решила повесить в спальне этот снимок, особенно сейчас. Пайпер отвела взгляд — лучше не привлекать внимание к фотографии.

— Милая, принести тебе что-нибудь? — спросил Джейсон, взяв Марго за руку.

— Нет, — ответила она. — Пайпер теперь со мной, так что можешь возвращаться в участок. Там наверняка нужна твоя помощь.

Джейсон нерешительно замер в дверях, шаркая ногами, будто маленький мальчик.

— Хорошо. Если что-то понадобится — что угодно, сразу звони. И кстати, Пайпер, — добавил Джейсон, глядя ей в глаза, — не забывай, что Марго и ребенку нужен отдых. Отдых и покой.

— Поняла. Не переживай, Джейсон, я за ней присмотрю. — Пайпер подтвердила свои слова улыбкой, однако встретила холодный взгляд Джейсона.

Он подошел и нежно поцеловал Марго в щеку.

— Если заболит голова, будет тошнить или двоиться в глазах, звони врачу.

— Конечно, — сказала Марго. — Иди уже. От твоего беспокойства у меня еще больше давление скачет!

Джейсон робко кивнул и вышел из комнаты. Было слышно, как он наливает кофе в термокружку. На комод Пайпер заметила еще несколько фотографий: снимок со свадьбы, на котором Марго и Джейсон такие молодые и счастливые, фото маленьких Марго и Пайпер под елкой, а вот их мать в день окончания юридического университета. Сначала мама работала государственным защитником, затем открыла свою фирму. Она умерла в сорок шесть лет от аневризмы головного мозга. Врачи сказали, что аневризма, скорее всего, была у нее уже несколько лет, и так вышло, что одним весенним днем — может, из-за повышенного давления — она разорвалась, когда мама шла по парковке у садового центра. Ящики с рассадой петунии и анютиных глазок, которые она несла к машине, упали на асфальт.

Пайпер отвела взгляд, и внутри все сжалось, как обычно при мысли о несправедливости жизни. Как же несправедливо, что их мама, которая никогда не курила, редко употребляла алкоголь, много, но не чересчур усердно работала, правильно питалась, пила витамины и ходила на джазовый фитнес, несмотря на подтрунивания дочерей, не дожидаясь свадьбы Марго и не увидит свою внучку!

Фотографий отца здесь не было. Он снова женился вскоре после развода, начал новую жизнь в Далласе и завел четверых детей, двое из которых оказались близнецами. Он навещал их два раза в год согласно постановлению суда, однако со временем обе стороны поняли, что настоящей семьей отца теперь стала та, другая. Пайпер с Марго и их мать были пробным вариантом. Теперь сохранились только неловкие звонки на Рождество. Вряд ли Марго вообще сообщила ему, что он скоро станет дедушкой.

Джейсон еще раз крикнул: «Пока», вышел из дома и завел машину.

Как только он уехал, Марго взяла Пайпер за руку.

— Знаешь, это ведь Эми дала мне газеты, — заговорщическим тоном прошептала Марго. — Заходила ко мне в офис на прошлой неделе. Я удивилась — мы сто лет не разговаривали, и вот она. Говорит, газеты нашлись на чердаке. Кажется, ее бабушка — Шарлотта, помнишь? — была редактором «Глашатая».

Бедная бабуля Шарлотта. Она осталась без обеих дочерей и ковыляла по комнатам в своем широком халате, тратя все силы на поддержание дома в порядке и воспитание Эми. Лишь бледная тень женщины, большая часть жизни которой ушла на управление мотелем, что построил ее муж.

— Вот это да, — сказала Пайпер, снова взяв в руки газету. Не стоило поднимать эту тему. Трудно скрыть любопытство, но все же надо постараться. Ради Марго и малышки. — Смотри-ка, секретный ингредиент запеканки миссис Минетти — нарезанные кусочками сосиски. Кто бы подумал!

— А еще, — не унималась Марго, — Эми спрашивала о гранте на восстановление мотеля! Она ходила на занятия по бизнесу в местном колледже и собиралась снова открыть «Тауэр», переделав его в стиле ретро. Она даже составила отличный бизнес-план.

— Ого, — Пайпер отложила газету. — Амбициозный проект.

— Еще какой. И это было на *прошлой неделе*. Похоже на женщину, которая намеревалась убить всю свою семью, а затем покончить с собой?

Пайпер покачала головой.

— У нее, конечно, были проблемы, — продолжала Марго. — С матерью, например.

— Роуз? А что с ней?

— Эми особо не распространялась; насколько я поняла, у нее деменция. Ужас, правда? Помнишь, в детстве мы особо и не видели Роуз? А несколько лет назад она вдруг появилась в мотеле и вновь стала там жить. Завязала с выпивкой, все шло нормально. Судя по словам Эми, подружилась с Лу. Я часто видела их в городе — то идут на рынок, то за мороженым. Эми с мужем много работали, так что Роуз каждый день забирала Лу и Леви из школы. В общем, ей дали второй шанс — она была плохой матерью Эми, зато стала отличной бабушкой ее детям.

Пайпер кивнула в ответ. Недавно Эми выложила много новых фотографий: на них была пожилая женщина, которая вместе с остальными членами семьи открывала подарки на Рождество и играла в куклы с маленькой девочкой со светлыми волосами — видимо, это как раз Лу. Пайпер не узнала Роуз — она ведь видела ее только на фотографии, где мама Эми стояла рядом со своей сестрой Сильви с цыпленком в руках.

— А потом, — продолжала Марго, — Роуз вдруг стала путаться, ощущать тревогу, не могла отличить реальность от вымысла. Когда в доме дети, рисковать нельзя, так что где-то месяц назад ее отправили в дом престарелых.

— Кошмар. Ей сообщили, что случилось с Эми и ее семьей?

— Джейсон говорит, утром к Роуз ездили полицейские, но она никак не отреагировала на их слова. Вела себя так, будто их вообще там нет.

— Печально.

— Может, так оно лучше. Не осознавать, что произошло.

Пайпер снова глянула на фотографию старой фермы Слейтеров и заметила на ней человека — в нижнем левом углу, у амбара. Непонятно, мужчина это или женщина, просто размытые очертания.

Марго посмотрела на Пайпер, и та увидела, что глаза сестры полны слез.

— Если бы мы только не сдавались. Не бросали ее, не теряли связь. Может, придя в офис, Эми хотела попросить у меня помощи... У нас обеих.

— В смысле?

— Она спрашивала, чем ты сейчас занимаешься. Она... не знаю... словно хотела вернуть прошлое. Соскучилась.

Пайпер покачала головой. Хватит делать вид, что ее это не трогает.

— *Соскучилась?* Марго, в конце того лета она сказала, что не хочет иметь с нами ничего общего. Она ясно дала это понять и сама оборвала все связи.

Когда в школе Пайпер проходила мимо Эми, та нарочно отводила взгляд. Каждый день Эми протискивалась мимо нее к своим новым друзьям в конец школьного автобуса и даже не замечала, что Пайпер заняла ей место.

— Но мы были нужны ей, — Марго вытерла слезы. — А мы с тобой сдались. Может, этого... этого *кошмара* не случилось бы, будь мы рядом.

— Глупость какая. С чего ты взяла?

Марго расплакалась сильнее.

— Ты так легко ее забыла...

Это было уже слишком. Пайпер промолчала, хотя хотела крикнуть: «Это она забыла меня!»

— Я смотрю, ты даже не расстроена, — всхлипывала Марго. — Тебя как будто вообще это не касается.

Да, когда Эми перестала отвечать на звонки, Пайпер была слишком обижена и зла,

чтобы предпринимать жалкие попытки поболтать с ней или занять место в автобусе. Если Эми не нуждается в Пайпер, то пусть идет к черту. Эми захлопнула дверь, а Пайпер навесила на нее пару замков.

Сделав глубокий вдох, Пайпер взяла сестру за руку.

— Конечно же, я расстроена, Марго. — «Слишком расстроена», — мысленно добавила она. В этом-то и была проблема, верно? Пайпер с улыбкой добавила: — Кому-то из нас надо сохранять спокойствие.

Марго слегка усмехнулась:

— Я ведь помчалась в аэропорт, как только узнала про Эми, но, честно говоря, сейчас меня больше тревожит ваше состояние — твое и ребенка.

— Спасибо, — сказала Марго. — Я очень тебе благодарна, правда. Просто все это никак не выходит у меня из головы, а с Джейсоном на эту тему не поговоришь. И эта *надпись*... На старом снимке Роуз и Сильви, том самом, что мы нашли в чемодане.

— Понимаю, — ответила Пайпер.

— Мне все кажется, что там кто-то — или что-то — есть. Что нам с тобой грозит ужасная опасность. — Марго провела рукой по животу. — И ребенку тоже.

Пайпер погладила сестру по голове:

— Все хорошо, мы вместе. Мы в безопасности, и нам ничего не угрожает. То, что произошло с Эми... это страшно, но к нам это никак не относится.

— Она оставила эту надпись для нас, Пайпер. Эми была уверена, что мы пойдем. Случившееся точно связано с нашей находкой!

У Пайпер по шее поползли мурашки.

— Марго, хватит. Seriously. Полицейские наверняка правы — Эми страдала от депрессии или была психически нездорова, и что-то внутри нее треснуло. Такое бывает.

Марго покачала головой и приподнялась:

— Господи, Пайпер! Ты сама в это веришь? Ты веришь, что Эми способна убить собственного мужа и сына?

— Не считая стандартных открыток на Рождество и фотографий на Фейсбуке, я много лет не общалась с Эми. Я совсем ее не знаю.

К горлу подступил комок.

Марго нервно поправила одеяло.

— Неправда. — Ее голос теперь звучал спокойно и серьезно. — Ты знала ее лучше всех. Многие ли известно Марго о том, что на самом деле произошло тем летом между ее сестрой и Эми?

— Мы были детьми. Люди меняются. Я вот изменилась. — Разве? Пайпер сглотнула ком. Меняются ли люди вообще? — Эми наверняка тоже.

— И что, она стала убийцей? Сумасшедшей, которая разделалась с собственной семьей, а потом вышибла себе мозги?

— Не знаю... я...

— Нет, знаешь! — Покруглевшее лицо Марго залило краской.

— Тише, Марго. — Пайпер сжала ее руку. Надо вести себя, как подобает старшей сестре, какие бывают в кино и книгах. Самоотверженные, мудрые сестры, которые всегда знают, что сказать. Надо постараться изо всех сил — ради Марго, ради ребенка.

Марго послушно откинулась назад, но упрямо ответила:

— Еще как знаешь. Поэтому нам нужно выяснить, что именно произошло в мотеле и что

все это значит.

— Нам? Ты у меня никуда не пойдешь. Слушай врача и Джейсона, лежи в кровати, смотри кулинарные шоу, читай статьи о грудном вскармливании и видах подгузников.

— Ладно. Тогда ты этим займешься, — с блестящими глазами ответила Марго.

— И что я должна делать?

Марго прикусила губу.

— Может, поговоришь с дочкой Эми?

— С чего ты взяла, что она вообще захочет со мной общаться?

— Джейсон говорит, она потрясена. До сих пор в шоке. Как заведенная рассказывает о произошедшем. Может... если ты намекнешь, что ее мама не виновата... тогда девочка раскроется и скажет, что именно видела и слышала той ночью.

— Ну, не знаю...

Марго крепко схватила Пайпер за руку.

— Пожалуйста, сделай это ради меня. И ради Эми.

Пайпер резко выдохнула. Когда-то она была в башне с Эми, и подруга так же крепко взяла ее за руку и потянула за собой в темноту.

— Хорошо, я попробую. Только если Джейсон узнает, что я задумала, если он узнает, что мы вообще говорили про Эми и ее семью, он отправит меня домой первым же самолетом. Слышала бы ты, какую лекцию он прочитал мне по дороге.

— Надо действовать осторожно, держать все в секрете. У нас ведь это всегда отлично получалось, да? — сказала Марго с горькой улыбкой.

И тогда Пайпер поняла, что ответственной старшей сестры из нее не вышло. Опять все как в прежние времена: они делятся секретами и ищут неприятности. Опять тщетная охота на призраков прошлого и две глупые девчонки, которых раззадоривает Эми: «Ну что, слабо?»

— Мы с Джейсоном Хоком целовались, — прошептала Эми Пайпер. — С языком.

— Фу!.. — крикнула Марго.

Она поехала в глубь пустого бассейна, грохоча роликами по разбитому голубому дну. Марго было всего десять, и она всегда теряла терпение, когда в игре «Правда или действие» речь заходила о мальчиках и поцелуях. Из-под шлема торчали растрепавшиеся хвостики, веки блестели от неоновых синих теней, которыми Эми ее накрашила. Надо смыть перед возвращением домой, иначе мама жутко разозлится. Марго надела защитные наколенники и налокотники. Пайпер свои не носила, ведь у Эми таких просто не было.

На парапете, с мелкой стороны бассейна, стоял приемник, настроенный на радиостанцию «Дабл-ю-кью-ви-ти», чей слоган был «Только хиты». Заиграла «Sweet Child of Mine» группы «Guns N' Roses» — одна из любимых песен Эми. Ей нравилось, когда вокалист изливал душу, поэтому она любила даже песни со старых бабушкиных пластинок Перри Комо и Фрэнка Синатры. Жутко слащавые, но когда Эми подпевала, они звучали классно.

— И каково это было? — Пайпер прижалась поближе. От Эми пахло духами «Лавз Бейби Софт» и клубничным блеском для губ. На ней была облегающая футболка с «Охотниками за привидениями» и джинсовые шорты с обтрепанными краями.

Эми ответила озорной улыбкой и заправила за ухо с тремя сережками розовую прядь волос, покрашенную растворимым желе. Она тоже накрашила глаза блестящими синими тенями и растушевала серебристым до самых бровей. Как звезда из клипов на «MTV». Или как младшая сестра Синди Лопер, только Эми считала, что Синди Лопер — отстой, вот Пайпер и не упоминала об их сходстве вслух.

— Иди сюда, я расскажу. — Эми развязала разноцветные шнурки на белых роликах. Пайпер сделала то же самое, подруги переобулись в шлепанцы и вылезли из бассейна. Лето подходило к концу, через две недели снова в школу. У обеих девочек были загорелые ноги — у Эми длинные и стройные, прямо как у девушек из танцевальной группы «Рокетс», на чье выступление Пайпер ездила с мамой в «Радио-сити-мьюзик-холл».

— Вы куда? — хмуро спросила Марго. Девчонки часто бросали ее, и ей это жутко не нравилось. Все потому, что она еще маленькая, хотя Марго делала вид, что уже совсем взрослая. Хвостики торчали из-под шлема, точно две антенны, и от этого она была похожа на сердитого жучка.

— Скоро вернемся, — сказала Эми. — Никуда не уходи.

Пайпер и Эми побежали к конторе мотеля в здании с крутой остроконечной крышей — по мощеному дворику у бассейна, сквозь трещины в котором пробивалась сорная трава, мимо сломанных шезлонгов. На окне висела табличка с красными буквами: «ЗАКРЫТО», пыльные пластиковые жалюзи были опущены. Справа к конторе примыкали номера мотеля — с первого по четырнадцатый. Номера с пятнадцатого по двадцать восьмой расположились позади, в другом здании.

Все номера теперь были наглухо закрыты, словно гробы, хотя ключи с синими бирками по-прежнему висели на металлической подставке за стойкой регистрации. Иногда девочки заходили в комнаты, в которых ничего не изменилось с тех пор, как мотель закрылся в 1971 году. Кровати были застелены коричневыми покрывалами с узором, на полу лежали выцветшие ковры бирюзового цвета, все прожженные и в застарелых пятнах непонятно от

чего. Картины с желто-оранжевыми бархатцами в массивных рамах украшали стены. Старые цветные телевизоры давно продали, но остались столики из-под них, а еще комоды и тумбочки, некоторые даже с отсыревшими библиями. Мебель была вся в зазубринах и царапинах, с круглыми пятнами на поверхности — призрачными следами стаканов, из которых некогда пили жильцы. В ваннах лежало упакованное мыло, хотя большинство коробок прогрызли мыши. Во всех номерах стояли пепельницы, и иногда Пайпер была готова поклясться, что вдыхает воздух 1971 года — с пылью, дымом сигарет и давно выветрившимися духами. Как привидения, если бы у тех был запах.

В комнатах начали протекать крыши, по потолкам поползли пятна от сырости и плесени, местами осыпалась штукатурка. Кое-где по-прежнему лежали спички и блокноты с логотипом мотеля «Тауэр» в виде простого рисунка величественной башни.

Бабушка Эми показывала им снимки башни в процессе строительства. Шишковатыми, пожелтевшими от никотина пальцами она водила по черно-белым фотографиям в старом альбоме.

— Муж всегда повторял, что эта башня для меня, — говорила Шарлотта. — Но мы знали правду. Он построил башню, потому что сам так решил. Хотел привлечь туристов со всего мира, которые сделали бы нас богатыми и знаменитыми.

На снимках не было ничего особенно интересного: дедушка Эми готовил сюрприз, поэтому заставил все лесами — чтобы за досками и брезентами не разглядели, чем он там занимается. Наконец, на последнем фото торжественное открытие: Кларенс Слейтер, привлекательный мужчина в костюме и шляпе, с прилизанными темными волосами и слегка косоглазый, держит за руку жену. Бабушка Шарлотта здесь молодая и красивая, совсем непохожая на неопрятную старуху, в которую она превратилась. Они стоят на фоне деревянной таблички, установленной дедом так, чтобы привлечь внимание водителей с десятого шоссе. На ней написано: «Приезжайте посмотреть на знаменитый лондонский Тауэр».

Пайпер и Эми перешагнули через обломки давно поваленной таблички, которые гнили теперь среди сорняков, окурков и оберток от гамбургеров, выброшенных из окон машин, и подошли к башне.

Заходить туда девочкам запрещалось. Бабушка говорила, что внутри опасно: стены рушатся, полы прогнили.

— Это ловушка, — повторяла бабушка Шарлотта хриплым голосом. Ее дыхание пахло кислым. — Держитесь от нее подальше. Однажды кто-нибудь провалится вниз, до самого адского дна.

Бабушка Шарлотта заботилась об Эми в отсутствие Роуз, ее матери (которой, насколько помнила Пайпер, почти никогда не было рядом. За тот год, что Пайпер дружила с Эми, она ни разу не видела Роуз). По словам Эми, у ее мамы было не все в порядке с головой. И еще она пила. Бабушка Шарлотта как-то сказала: «Моя бедная Роуз так и не оправилась после исчезновения Сильви. Некоторых потеря делает сильнее, но ее она сломила».

Сильви была тетей Эми, старшей сестрой матери. В восемнадцать лет она сбежала в Калифорнию, чтобы стать кинозвездой — так говорила Эми. Собрала чемодан и оставила прощальную записку в пишущей машинке, обещая вскоре выйти на связь. Больше о ней ничего не слышали. Полным именем подруги было Эми Сильвия — в память о пропавшей тете.

Было жалко бабушку Шарлотту, которой досталось в одиночку воспитывать такого

неуправляемого ребенка, как Эми. Ее муж Кларенс умер еще до рождения внучки. Бабушка Шарлотта уверяла, что крах мотеля разбил ему сердце. «Видимо, она имеет в виду сердечный приступ», — думала Пайпер.

Шарлотта была худой, с обвисшей кожей и седеющими волосами. На подбородке у нее росли два длинных седых волоска, которые так и хотелось выдернуть. Дом всегда находился в ужасном состоянии (хотя бабушка постоянно что-то прибирала). Иногда подруги заставляли Шарлотту у окна кухни: женщина смотрела вдаль отсутствующим взглядом.

— Что это она? — спрашивала Пайпер.

— Не знаю, — отвечала Эми. — Может, высматривает мою маму или Сильви. Или даже постояльцев. Она как будто ждет, что старый звонок, проведенный из конторы в дом, скоро зазвонит, хотя он сломался еще сто лет назад.

Бывало, бабушка путалась и называла внучку Сильви.

— Иди-ка сюда, Сильви, давай я заплету тебе косу.

— Я Эми, бабушка, — раздраженно отвечала подруга. Ей было неловко. — Сильви здесь нет.

— И правда, — говорила Шарлотта, расчесывая золотистые волосы внучки. — Она была хорошей девочкой. Как и ты.

Эми потянула Пайпер через сводчатый дверной проем, в прохладу и темноту башни. У Пайпер перехватило дыхание — вдруг стены сейчас рухнут? Внутри было мрачно, пахло отсыревшим цементом, гнилыми листьями и чем-то тухлым. Деревянный настил прогибался под ногами. На первом уровне не было окон, и свет проникал сюда только сквозь узкий дверной проем.

Под ногами шуршала многолетняя сухая листва. На полу валялась обертка от шоколадки «Милки Вэй» и смятая банка из-под пива. Музыка из радиоприемника, доносившаяся от самого бассейна, окутывала их туманом, но слов песни было не разобрать.

— Ты правда хочешь знать, каково это — целоваться с Джейсоном? — спросила Эми, чье лицо Пайпер едва различала в темноте.

— Да, — ответила Пайпер, и Эми крепко сжала ее вспотевшую ладонь. Пайпер еще ни с кем не целовалась, но постоянно разглядывала губы всех знакомых мальчиков, присматривалась к их форме и движению во время беседы. Интересно, будет ли щекотно от мягкого пушка у мальчиков над верхней губой? И как держать голову, чтобы не мешался нос?

Костлявый мальчишка Джейсон Хок, их одноклассник, жил по соседству с Пайпер и Марго, в многоквартирном доме с другой стороны холма, на котором расположился мотель. Волосы у него были длинноваты (но не настолько, чтобы выглядеть круто), и он повсюду ходил с лупой, показывая девчонкам, как классно разглядывать через нее кору дерева или маленького зеленого жучка. Марго было жаль его — Джейсон казался ей одиноким, — а Пайпер считала его чокнутым. Несколько месяцев назад он передал Эми зашифрованную записку, а та даже не попыталась разгадать шифр, что ужасно его расстроило.

— Сейчас узнаешь, — сказала Эми, и не успела Пайпер ей ответить или даже представить, что будет дальше, как Эми поцеловала ее скользкими от блеска губами. Ее маленький язычок осторожно раскрыл губы Пайпер. Она ощутила вкус клубничной помады и жаркое дыхание Эми. Пайпер едва слышно застонала, будто говоря: «Я сдаюсь, я согласна на все», и ответила на поцелуй. Пайпер была уверена, что башня кружится и стены рухнут прямо на них.

Затем она поняла, что это была не башня, а чья-то тень. Кто-то стоял у входа и следил за

ними. Пайпер замерла, потом отскочила в сторону.

Призрачная фигура вышла на свет.

— Джейсон? — позвала его издалека Марго. Видимо, она шла по дорожке к башне. —

Ты не видел Пайпер и Эми?

Джейсон молча ушел.

— Эй, подожди! — крикнула Марго. Она бежала за Джейсоном, но шаги вдруг затихли.

Подруги замерли, слушая. Пайпер прижалась спиной к прохладной каменной стене.

— Ты куда? — спросила Марго.

— Домой, — ответил Джейсон.

— Так ты не видел Пайпер и Эми?

Пайпер пригнулась в тени и посмотрела на Эми, но не поняла, что выражает ее лицо.

Она точно не была взволнована или обеспокоена. Кажется, ее это забавляло.

— Не-а.

— Поможешь мне найти их?

— Не могу.

— А ты еще придешь? Ты обещал показать мне телескоп.

— Не сегодня, — сказал Джейсон. — В другой раз.

— Просто я думаю попросить телескоп на день рождения, вот и хотела посмотреть, такой ли мне нужен.

— У меня фирмы «Таско». Мама купила в магазине для хобби.

Снова захрустел гравий, Джейсон пошел домой.

— Ладно, до встречи! — крикнула ему Марго, но Джейсон не ответил.

— Похоже, твоя сестричка запала на Джей-Джея, — прошептала Эми.

— Неправда, — ответила Пайпер.

Марго подошла к самому входу в башню.

— Пайпер? Эми? — Ее слова отозвались эхом.

— Тс-с. — Эми с улыбкой приложила палец к губам. — Сюда. — Не выпуская руку подруги, она повела ее наверх по шаткой лестнице. Пайпер старалась ступать так же неслышно и грациозно. Они присели на корточки под одним из трех вытянутых узких окон. Здесь было еще темнее. Эми сжала ее руку. Пайпер тяжело дышала. Зачем им прятаться? Это ведь подло по отношению к Марго, хотя в то же время весело.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Ramble (*англ.*) — бродить, гулять.